

УДК 316.423(4/5)

© *Александр Лойко*
заведующий кафедрой философских учений
Белорусского национального технического
университета, доктор философских наук,
профессор

© *Alexander Loiko*
Head of the Department of philosophical doctrines
of the Belarusian National Technical University,
Doctor of philosophy, professor
e-mail: philosophy@bntu.by

ЧЕТВЕРТАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: РИСКИ ДЛЯ ЕВРАЗИИ

В статье рассмотрены особенности функционирования механизмов идентичности культуры и ресурсы, обеспечивающие ее безопасность в условиях модернизации современного общества. Тема исследования обусловлена задачами формирования евразийского межкультурного пространства. Акцентирована роль защитных механизмов идентичности в минимизации рисков для духовно-нравственной сферы социальной жизни людей.

В начале 2016 года в рамках Давосского международного форума одной из ключевых тем обсуждения экономистов, политиков, представителей бизнеса стала четвертая промышленная революция. Задающий дискуссию доклад представил К.М. Шваб. Подобный акцент свидетельствует о том, что мировая интеллектуальная элита решение тактических задач стабилизации мировой экономики сочетает со стратегическими вопросами эволюции экономических институтов в условиях научно-технических изменений. Первая промышленная революция создала локальное пространство промышленной деятельности человечества в пределах Англии, затем оно расширилось за счет континентальной части Европы. Первая промышленная революция трансформировала международное разделение труда в форме отношения метрополий и колоний. Из метрополии в колонии направлялись промышленные товары, в обратном направлении формировались сырьевые потоки. Колонии создали емкий рынок труда в виде работоторговли. Метрополии создали рынок труда свободной рабочей силы. В периоды экономического роста рабочая сила максимально использовалась в промышленности. В периоды экономических кризисов рабочая сила становилась избыточной. Независимо от циклических особенностей рыночной экономики население Англии за относительно короткое время практически удвоилось. Основными поставщиками потенциальной рабочей силы стали Ирландия,

Уэльс, Шотландия. Следуя потребностям промышленности, в части реализации растущих объемов продукции, Великобритания создала для нее огромное колониальное пространство. По такому же пути пошли Нидерланды, Бельгия, Франция, Испания, Португалия.

В Евразии первая промышленная революция реализована в России и Беларуси. В России ее необходимость была вызвана желанием Петра I придать государству конкурентоспособность в вопросах национальной безопасности, внешней политики. К этому выводу его непосредственно подтолкнули неудачи в Северной войне. За короткое время были созданы институты современной армии, военно-морского флота, образования, европейского светского образа жизни. Успехи в науке и технике дали России огромные преимущества в евразийском регионе. При этом основные экономические и военно-политические ее интересы оказались интегрированными в политику и культуру континентальной Европы. Государственные заказы стали важным фактором развития российской промышленности и выгод для частного бизнеса, поскольку заказчик был заинтересован в стабильной работе предприятий. В результате возник союз частного и государственного капиталов в России, в том числе с иностранным участием. Вывоз промышленной и аграрной продукции на европейский рынок ускорил развитие транспортных коммуникаций с выходом к побережью Балтийского, Черного морей. В Беларуси первая промышленная революция осуществлялась на частные инвестиции магнатских семей Радзивиллов, Огинских. Эта промышленность не имела четкой связи с военными задачами решения вопросов национальной безопасности. Скорее речь шла об увлечении модой, пришедшей с британских островов. Ее основные результаты стали предметом истории. Опыт промышленной деятельности, не подкрепленный государственными гарантиями военно-политической стабильности, оказался недолговечным. После разделов Речи Посполитой экономике Беларуси пришлось интегрироваться в российское пространство хозяйственной и политической деятельности.

Вторая промышленная революция имела электротехническую основу. Она актуализировала спрос на энергоносители, металлы, транспортные коммуникации, энергетические системы. Произошла электрофикация транспортных систем, промышленности, повседневного образа жизни. Экономика стала индустриальной в современном ее понимании. Модернизация Беларуси, Северной Евразии на основе технических достижений второй промышленной революции происходила в рамках институциональной модели советского периода истории. Вторая промышленная революция в виде задач электрофикации, индустриализации страны стала важнейшей составляющей государственной идеологии. Была создана развернутая инфраструктура научно-технических центров. Строительство предприятий, энергетических комплексов стимулировало создание технического образования. Именно в рамках этой модели шло активное станов-

ление и развитие Белорусского национального технического университета и других высших учебных заведений.

Третья промышленная революция инициировала процесс модернизации общества на основе информационных технологий. Эпицентром реализации этого проекта стали США, промышленные компании которых быстро увидели преимущества в освоении сектора нематериальных потребностей, связанного с потреблением информации, функционированием единого информационного пространства, кибернетических систем управления.

В СССР, представлявшем в середине XX столетия евразийский регион, преимущества, вытекающие из третьей промышленной революции, не брались во внимание. Научные направления, связанные с третьей промышленной революцией, трактовались как буржуазные. В результате было потеряно не только время для разработок в сфере информационных технологий, но и практически утерян собственный потребительский рынок информационных услуг. На этом рынке работают североамериканские, южнокорейские компании. Особенно наглядна эта ситуация на рынке мобильной связи, в первую очередь Интернета.

Доминирование сегмента сырьевой и индустриальной экономики по отношению к высокотехнологической промышленности создало высокие риски волатильности экономик постсоветских государств. Вторым следствием стала проблема информационной безопасности. Она была решена только за счет нематериальных ресурсов российского общества, представленных патриотической исторической памятью, положительными комплиментарными практиками, эффективным использованием валютных нефтедолларовых ресурсов в резервной функции.

Внешнеполитическое давление Запада на Россию в форме расширения НАТО на восток за счет бывших советских республик побудило Россию, как во времена Петра I, стать на путь модернизации армии, Военно-Морского Флота, всей системы национальной безопасности, включая информационную компоненту деятельности. Судя по восстановившемуся диалогу США и России в вопросах гарантий безопасности по Сирии, России удалось минимизировать асимметрию упущенных возможностей, касающихся третьей промышленной революции. При этом в экономике сохраняется негативное давление сырьевой компоненты, обусловленное низкими мировыми ценами на энергетические ресурсы. При этом положительным является тот факт, что в условиях сочетания низких мировых цен на энергоносители и действующих санкций российская экономика сохраняет устойчивость, позволяя себе демонстрировать самостоятельную внешнюю политику.

Четвертая промышленная революция является продолжением третьей, как утверждает К.М. Шваб. Речь идет о когнитивной эре, основную роль в период которой будут играть модели, свойственные креативной индустрии. Если это так, то речь идет об усилении в промышленности роли гибридных технологий. Эти технологии ассоциируются с человеко-машинным типом деятельно-

сти, в рамках которого функции низкоквалифицированного труда передаются робототехническим системам, ротапринтным 3D-технологиям. При этом резко возрастает спрос на ресурсы человеческого капитала высокой квалификации. Массовое индустриальное производство, насыщенное рабочими местами уступает позиции высокотехнологичной деятельности со строгой технологической дисциплиной. Актуальными стали виртуальные предприятия [1]. С социальной точки зрения Четвертая промышленная революция следует тенденциям аграрных технологических революций, приведших к резкому сокращению рабочих мест, фермерских хозяйств. В цифровом выражении речь идет не о 20–30 %, а о 3–5 % занятого населения. Если к такому показателю приблизится промышленность, то основным ресурсом занятости станет сфера услуг. Квалификационные возможности работы в ней формируют умение работать с информационными технологиями, а также умение работать с клиентами. Но и в этой сфере ресурсы занятости сокращаются вследствие перемещения услуг в сетевое пространство. Торговые центры трансформируются в форму электронного самообслуживания покупателей, что ведет к эффективности их деятельности за счет экономии фонда заработной платы. Обратная сторона этой тенденции выражается в сокращении рабочих мест. В условиях экономики, основанной на действии жестких критериев рентабельности, производительности, конкурентоспособности, возникают преимущества для инвесторов, разработчиков, менеджеров. Одновременно возникают риски для традиционных сегментов массовой занятости населения. Это видно по фактору воздействия внешней миграции на Европейский союз [2]. Средние слои населения европейских стран отдают предпочтение собственным страхам за занятость и идентичность по сравнению с сочувствием беженцам. Трудность ситуации, создаваемой четвертой промышленной революцией, состоит в том, что ее реализация не сопровождается формированием дополнительных сегментов занятости. В свое время сокращение занятости в аграрном и промышленном секторах деятельности компенсировалось занятостью в сфере услуг. Предлагаемые варианты занятости в форме социальной работы предполагают увеличение нагрузки на бюджеты национальных государств, которые и так находятся в трудном положении. Частные банковские структуры долгое время культивировали механизмы кредитования потребительского спроса с учетом гарантий занятости основной части населения. Они имели дело с рисками невозврата в основном по субъективным причинам. При существенном изменении перспектив занятости общество массового потребления и сопровождающая его емкость внутренних рынков окажутся под большим давлением рисков. В период великой депрессии Ф. Рузвельту удалось убедить частный капитал в необходимости создания стабилизационного механизма внутренних займов. Эти деньги под гарантии государственных облигаций направлялись на социальные программы занятости, помощи промышленным и банковским структурам, от устойчивой работы которых занятость зависит [3]. В начале XXI столетия речь идет о высокотехнологичных компаниях, практи-

чески не обеспечивающих массовую занятость населения. В подобных условиях важнейшим ресурсом занятости становится теневая экономика, связанная с удовлетворением растущего спроса населения на нематериальные потребности, в первую очередь речь идет о наркотрафике, работоторговле, терроризме. Борьба за духовные основания общества стала одной из ключевых задач в условиях растущего влияния теневой экономики. В пространство ее деятельности третьей и четвертой промышленными революциями вытесняются миллионы людей. Ситуацию усугубляют усиливающееся социальное неравенство, растущий разрыв между регионами высокотехнологичных производств и с регионами развивающихся экономик [4]. В такой ситуации Россия стала восстанавливать ресурсную базу нематериальных активов. Одним из таких ресурсов стала идеология многонационального и многоконфессионального государства. Она позволила сохранить территориальную целостность страны. В других многонациональных постсоветских государствах, таких как Грузия, Молдова, Украина, национализм стал основной идеологией, что и предопределило их фактический территориальный распад. Благодаря такому философу, как Л.Н. Гумилев, был актуализирован уникальный ресурс евразийской тюрко-славянской комплиментарности [5]. Ценностная доминанта русского мира в общественном сознании россиян оказалась сильнее утилитарных размышлений о возможных последствиях экономических санкций.

Нематериальные активы не могут полностью заменить материальные, поскольку население любой страны нуждается в полноценной экономической жизни, связанной с потреблением. Поэтому любому государству приходится решать задачу обеспечения стабильности внутреннего рынка. В постсоветской России много писалось о необходимости модернизации общества и практически не писалось о необходимости структурных реформ. Это дает основание заключить, что Россия находится во власти институциональной экономики, основанной на институтах привычки, рутины.

Привычка российского экономического сознания сконцентрирована на секторе сырьевой экономики, которая обеспечивает валютные поступления за счет природных ресурсов. Эту привычку не смущают высокие риски, связанные с колебаниями мировых цен.

Рутинная российская действительность заключается в особой роли бюрократии и коррупции в экономической деятельности. Этот механизм кормления государственных чиновников был инициирован Петром I, который стремился переложить содержание государственного аппарата на гражданское общество. В результате экономия государственных средств обернулась устойчивым представлением в массовом сознании о государственной должности как самом легком пути личного обогащения и ускоренного решения личных вопросов через механизм коррупции. Одна часть населения стала стремиться к государственным должностям как к источнику личного обогащения, а другая стала рассматривать чиновников как людей, способных обеспечить оперативное решение

возникших потребностей в решении назревших проблем. Это взаимное сопряжение интересов и формирует механизмы рутины, характерные российскому обществу.

Россия не смогла бы обеспечивать свою конкурентоспособность в геополитическом пространстве, если бы не имела по отношению к экономике эффективного механизма ее промышленной модернизации, на основе административных мер управления. К подобной модернизации ее вынуждает геополитическая среда столкновения цивилизаций [6]. Фактором модернизации неизбежно станет изменившаяся потребительская культура российского общества. А это актуализирует потребность во внутреннем рынке продовольствия, промышленных товаров, туризма. Предпосылки реализации этой потребности могут быть сформированы в виде инфраструктуры, коммуникаций и логистики. Но сможет ли российское общественное сознание с присущими ему особенностями институциональной экономики актуализировать для себя задачу создания емкого внутреннего рынка. К тому же эта задача требует инвестиционного обеспечения. Анализ западных специалистов в отношении России обычно сводится к вопросу о реформах [7]. Зная об их непростой судьбе и низкой реализуемости, они не столь оптимистичны в своих выводах [8]. Но если исходить из методологии институциональной экономики, сдержанно относящейся ко всяким прогнозам, планам, опережающим оценкам, то следует подождать фактологическую основу, необходимую для фундаментальных выводов. Один из уже имеющихся выводов состоит в том, что Россия с XVIII столетия остается одним из основных участников мировой политики. И она научилась довольно эффективно использовать симбиоз ограниченных материальных и компенсирующих их недостаток нематериальных активов деятельности с целью обеспечения геополитической конкурентоспособности. В этом активе заключен ответ на вопрос, сформулированный Л. Грэхэмом [9].

Евразийскому региону необходима эффективная методология модернизации промышленного комплекса с опорой на ресурс идентичности [10], на возможности функционирования производственных кластеров, интегрированных с инновационной инфраструктурой [11].

В условиях существующей мировой практики можно говорить о нескольких типах кластерных структур [12]. Среди них можно выделить университетские, инжиниринговые, промышленные кластерные структуры.

Университетские кластерные структуры получили развитие в силу трех основных причин, связанных с государственными военными заказами, спросом крупных компаний на высокотехнологичные разработки, формированием на базе университетской среды компаний информационного сегмента рынка. Для того чтобы механизм кластеризации заработал на базе университета, необходимо, чтобы данный университет располагал не только образовательной средой, но и научно-исследовательской. Так, Стэнфордский университет, наряду с факультетами, представлен тридцатью институтами, центрами, лабораториями.

Важнейшим условием формирования на его основе равновесной кластерной структуры стало право сдавать в аренду фирмам земельные участки, образующие его внутреннюю территорию. Не все фирмы получали доступ на территорию университета. В основном речь шла о компаниях максимально приближенных к электротехническому профилю университета. Стремление фирм к максимально близкому соседству с университетами объясняется наличием у них значительного кадрового и интеллектуального потенциала. Во-первых, профессора совмещали работу в университете с работой в фирмах, как созданных ими самими, так и действующих самостоятельно. Во-вторых, производственная база оказалась максимально сближенной с ресурсной базой в виде студентов и преподавателей. Специалисты фирм получили возможность проходить повышение квалификации в университете. Фирмы получили возможность отбирать выпускников университета, начиная с третьего курса. Они же получили доступ на коммерческих условиях к совокупности научно-технических знаний, являющихся предметом лицензионных сделок. Интерес фирм к университетской территории обусловил создание в ее границах технологического парка площадью в 270 га. Плата за аренду земельных участков незначительная. Срок аренды – 99 лет. Прибыль университету должно было принести финансовое и научное участие профессоров в деятельности компаний. Территория предоставлялась только фирмам, располагавшим гарантированными государственными или военными заказами. Тесные связи с местной промышленностью являются ключевым условием возникновения кластерной структуры. Промышленные связи участников кооперации дополняются финансовыми, коммунальными связями. Профессора в кластерном пространстве выступают как предприниматели, советники, владельцы акций, руководители лабораторий. Фирмы в свою очередь выступают как арендаторы, кредиторы новых университетских подразделений, работодатели. Многие из фирм устанавливают стипендии для студентов.

Жизнеспособность университетских кластерных структур напрямую определяется системой государственных заказов. За участие в этом механизме разработки новейших космических, военных, информационных технологий борются многие фирмы, конкурентоспособность которых напрямую зависит от наличия кадрового потенциала. Ядро подобных фирм создают менеджеры, которые в оперативном порядке находят необходимые интеллектуальные ресурсы и на их основе реализуют государственные заказы. Поскольку речь идет о высокотехнологичной продукции, то интерес менеджеров связан с научными школами, связанными с разработкой лазеров, средств электронной обработки данных, магнитозаписывающих устройств, медицинских инструментов, измерительных приборов, электронных конструктивных элементов и систем.

В связи с этим представляется важным присутствие в контролирующих органах технических вузов руководителей предприятий, «заказывающих» выпускников. Это придает образовательному процессу конкретное содержание,

связанное с формированием человеческого капитала. Этот капитал формируется и функционирует в границах определенных интеллектуальных пространств. Эти пространства не являются однородными. Они организованы по кластерному признаку.

Институциональная среда в значительной степени детерминирована особенностями идентичности. Поэтому любое универсальное открытие неизбежно трансформируется на практическом уровне с учетом доминант локальной институциональной среды. Эта особенность обусловила значительные различия менеджмента систем деятельности.

В евразийском регионе решение задач практически всегда обеспечивается административными ресурсами планирования, организации, управления, контроля, финансирования. Государство координирует все этапы реализации проектов и их соответствие требованиям институциональной среды. Во многом это обусловлено стратегическими задачами эффективного использования ресурсов в условиях ограниченных демографических возможностей их роста, низкой плотности населения, соответственно отсутствия механизмов интенсивного развития. Экстенсивный тип экономики диктует неизбежность централизации ресурсов, их жесткого контроля в условиях столкновения цивилизаций.

Ценности славянства, православия, степных и лесных просторов, гарантий социальной защищенности, образования, патриотизма сыграли важную роль в формировании евразийской культурной географии, как интегрированных в интересы друг друга постсоветских государств. Эти государства ищут собственные способы адаптации к рискам, порождаемым четвертой промышленной революцией.

Комплексы кластерного типа могут создаваться на аутентичной основе человеческого капитала в пределах национальной и региональной экономики. Территориальная дифференциация человечества, обусловленная международным разделением труда, географическим фактором, способствовала возникновению национальных систем деятельности, ориентированных на динамическое равновесие в условиях становления коммерческих структур, связанных с рисками и стратегией получения максимальной прибыли. Возникшие в национальных границах и окрепшие до уровня международной деятельности коммерческие структуры, представленные компаниями, создали механизм национальных интересов, далеко выходящих за границы собственных государств. При этом национальные государства стали основными гарантами геополитических интересов окрепших транснациональных структур.

Кооперация национальных инновационных инфраструктур на основе региональных программ является важной, поскольку создает условия для научных контактов, формирует интеллектуальные ресурсы, обеспечивает координацию. Именно на границе локального и глобального возник эпицентр интереса к комплексу проблем, что и обусловило необходимость разработки соответствующей методологии. Конструктивную роль сыграли подходы, предложенные в

рамках эволюции теории модернизации. Понятие глокальности стало одним из ключевых и методологически важных.

Под самостоятельной партикулярной стратегией мы понимаем стремление государств к созданию национальных кластеров, формирующих базис инновационной деятельности и инфраструктуры [13]. На технологической основе происходит синтез интересов компаний и научных структур. В результате человеческий капитал приобретает важнейшее значение, а с ним и партикулярность. Беларусь начала в государственной политике сочетать глобальное и локальное под влиянием объективных причин, вызванных необходимостью снижения рисков во внешнеэкономической деятельности. Диверсификация стала важным механизмом решения задачи. Был изучен ресурс многих рынков в контексте кооперации деятельности по отдельным направлениям ресурсов, технологий, товаропроводящих путей. Образец задал Глава государства, который на уровне политических решений заложил основы перекрестной логистики, в рамках которой многократно возрастает потенциал кооперации отдаленных по расстоянию друг от друга экономик и территорий. Стало понятно, что содержание глобализации могут формировать не только транснациональные корпорации и связанные с ними государства. В определенных узловых точках мировой экономики два механизма глобализации соприкасаются, что усиливает потенциал кооперации на основе разнообразия партикулярностей. Этот потенциал может стать ключевым фактором достижения мировой экономикой динамического равновесия. Функцию узловой сигнальной точки наряду с американской и европейской экономикой активно выполняет евразийская экономика. Она представлена мощными экономическими структурами на национальном и региональном уровнях.

Растущие партикулярности формируют разнообразные кооперационные структуры, интенсификация отношений между которыми характеризуется определенной стадийностью. В начальной стадии кооперации участники заключают преференциальные торговые соглашения, вводящие снижение внутри формируемого рынка тарифов по сравнению с тарифами на товары и услуги, действующими во взаимоотношениях с другими государствами. На второй стадии межгосударственной кооперации, связанной с созданием зон свободной торговли, отменяются тарифы на товары и услуги стран-участниц. При этом каждое государство сохраняет автономность таможенной политики по отношению к другим участникам мировой экономики. Таможенные пошлины для участников кооперации могут сохраняться на часть товаров, по которой идут активные переговоры. Третья стадия отражает интеграционную динамику в рамках таможенного союза. В данном случае государства достигают соглашения об отмене национальных таможенных тарифов и введении единых таможенных пошлин и методов нетарифного регулирования в отношении других государств. Внутри союза действует режим беспошлинной торговли, оказания услуг. На четвертой стадии интеграции государства приходят к общему регио-

нальному рынку. Он дает возможность проведения единой таможенной политики, снимает ограничения на движение ресурсов, связанных с факторами труда и капитала. Рыночная интеграция позволяет перейти к интеграции политической, в рамках которой национальные государства делегируют согласованные функции наднациональным структурам. Как показывает процесс европейской интеграции, это самый сложный этап, поскольку он предполагает делегирование полномочий в принятии решений и соответствующее финансирование этих решений за счет национальных экономик. Парадокс феномена партикулярностей состоит в том, что глобализация сопровождается региональной локализацией, в рамках которой разнородные экономики находят общие интересы и создают необходимую критическую массу солидарности для действий в условиях четвертой промышленной революции. На планете трудно найти национальную экономику, которая бы не была включена в процессы кооперации. Беларусь в данном случае не является исключением.

Список основных источников

1. Анфимова, М. Л. Виртуальные предприятия как одно из направлений развития рынка инновационных технологий / М. Л. Анфимова // Модернизация хозяйственного механизма сквозь призму экономических, правовых и инженерных подходов : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. мол. ученых, Минск, 3 марта 2015 г. / М-во образования Респ. Беларусь ; редкол. : С. Ю. Солодовников (пред.) [и др.]. – Минск : БНТУ, 2015. – С. 58–61.
2. Сталкер, П. Международная миграция / П. Сталкер. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2015. – 192 с.
3. Грибер, Д. Долг: первые 5000 лет истории / Д. Грибер. – М. : Ад Маргинем, 2015. – 527 с.
4. Стиглиц, Дж. Цена неравенства / Дж. Стиглиц. – М. : Эксмо, 2015. – 511 с.
5. Лойко, А. И. Межкультурный синтез положительных комплиментарных практик в структуре идентичности / А. И. Лойко // Культура и глобализация: традиция, память, идентичность : материалы Междунар. науч. конф., Тамбов, 20–21 нояб. 2014 г. / отв. ред.: Н. В. Медведев, Н. М. Аверин, А. Н. Алленов. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. – С. 41–45.
6. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М., 2014.
7. Мау, В. А. Реформы и догмы. 1861–1929 / В. А. Мау. – М. : Дело РАНХиГС, 2013.
8. Грейф, Л. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли / Л. Грейф. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 535 с.
9. Грэхэм, Л. Сможет ли Россия конкурировать? / Л. Грэхэм. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 290 с.
10. Мамедов, О. Ю. Глобализационный контекст идентичности российской экономики / О. Ю. Мамедов // Россия и славянский мир в интеллектуальном контексте времени. – Славянск-на-Кубани, 2012. – Ч. 1. – С. 69–74.
11. Инновационные кластеры nanoиндустрии / Г. Л. Азоев [и др.] ; под ред. Г. Л. Азоева. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. – 296 с.

12. Бахматова, Е. И. Зарубежный опыт кластеризации экономики / Е. И. Бахматова // Модернизация хозяйственного механизма сквозь призму экономических, правовых и инженерных подходов. – Минск, 2015. – С. 73–77.

13. Лойко, А. И. Социальная динамика партикулярных структур и методология кластерного подхода / А. И. Лойко // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 2(10). – С. 151–158.

Fourth industrial revolution: risks for Eurasia

The features of the operation of the culture identity mechanisms, as well as resources providing is safety under the conditions of modernization of modern society, are considered. The subject of present study is motivated by the aims of the formation of Eurasian intercultural space. The role of protective mechanisms of identity is highlighted for the aims of minimization of risks in spiritual and moral spheres of social life.

УДК 7.097:339.92(4/5)

© ***Сергей Венедиктов***

начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилевского института МВД, кандидат филологических наук, доцент

© ***Sergei Venidiktov***

*Head of the Social and humanitarian disciplines dept. of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs, PhD in philology, associate professor
e-mail: venidiktov@institutemvd.by*

**ЕДИНЫЙ ЦИФРОВОЙ РЫНОК
В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ВОЗМОЖНОСТИ АДАПТАЦИИ
ЕВРОПЕЙСКОЙ МОДЕЛИ**

В статье рассматриваются перспективы адаптации к потребностям Евразийского экономического союза опыта Европейского союза в формировании единого информационного пространства. Проводится анализ концепции Единого цифрового рынка в ЕС с точки зрения экономических выгод, социальных приоритетов, перспектив внедрения инновационных технологий и информационных запросов гражданского общества. Исходя из задач стратегического развития евразийской интеграции осмысляются направления развития Единого цифрового рынка: оптимизация доступа к цифровым товарам и услугам, создание благоприятной среды для развития цифровых сетей и сервисов, признание информационных технологий основой экономического роста.